

Ренате Беленчиков

Членимость и производность заимствований в русском языке

Studia Rossica Posnaniensia 27, 171-179

1996

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЧЛЕНИМОСТЬ И ПРОИЗВОДНОСТЬ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

DIVISIBILITY AND DERIVATION OF BORROWINGS IN RUSSIAN

РЕНАТЕ БЕЛЕНЧИКОВ

ABSTRACT. The author examines how the systemic relations of divisibility and lexical derivation are altered as a result of the inclusion of new lexemes in Russian.

Renate Belentschikov, Franz-Jacob-Str. 14 18/6, 1-1156 Berlin, BRD.

Вопрос членимости и производности или (пользуясь терминологией *Русской грамматики*¹) словообразовательной мотивации русских слов был тесно связан с становлением словообразования как самостоятельной научной дисциплины, отдельной от морфологии. Напомню дискуссию в работах Винокура, Смирницкого и других лингвистов в 40-50-е годы о членимости и производности таких слов, как „стеклярус, попадьа, буженина, клубника, малина”, – спор, вследствие которого некоторые лингвисты в шутку называли словообразование „бужениноведением”².

Этот спор утих „благодаря постановке проблемы степеней производности и разработке конкретной шкалы степеней членимости”³. Применяв способы определения членимости Панова, Земская

¹ *Русская грамматика*, т. I, Москва 1980, с. 133.

² Г. О. Винокур, *Заметки по русскому словообразованию*. В: Г. О. Винокур, *Избранные работы по русскому языку*, Москва 1959, с. 419-442; А. И. Смирницкий, *Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ*, „Доклады и сообщения филологического факультета МГУ” 1948, № 5, с. 21-26; R. Grzegorzczukowa, J. Puzynina, *Z zagadnień słowotwórstwa synchronicznego*, „Poradnik Językowy” 1959, z. 6-7, с. 241-253; A. Bogusławski, *O zasadach analizy morfologicznej*, „Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego”, XVIII (1959), с. 87-95, и др.

³ И. С. Улукханов, *О степенях словообразовательной мотивированности слов*, „Вопросы языкознания” 1992, № 5, с. 74; О степенях членимости, см.: М. В. Панов, *О членимости слов на морфемы (на материале неологизмов Хлебникова)*. В: *Сборник памяти академика В. В. Виноградова. Сборник статей*, Москва 1971; его же: *О степенях членимости основ*. В: *Развитие современного русского языка 1972*, Москва 1975, с. 234-238; Е. А. Земская, *Понятия производности, оформленности и членимости основ*. В: *Развитие словообразования современного русского языка*,

выделила разные степени членности слова и охарактеризовала соответствующие типы слов по критерию их производности⁴.

Казалось бы, что тем самым названный вопрос был решен. Однако он снова всплывает в связи с большим притоком заимствованных слов и словесных компонентов. В результате заимствования и узуализации новых слов системные отношения членности и производности подвергаются изменениям⁵. В своем докладе я хочу подробнее остановиться на этой проблеме⁶. Предметом рассмотрения являются наименования, которые вошли в русский язык за последние годы путем заимствования и в неодинаковой степени узуализировались в литературном языке. Многие из них остаются пока иностранными словами, но, тем не менее, в синхронном плане вступают в эпидигматические отношения с другими наименованиями русского языка.

Как подчеркивает Улуханов, решение вопросов языковой мотивации „тесно связано с проблемой соотношения системы языка и его функционирования в речи индивидуумов, поскольку разные индивидуумы – в зависимости от своей языковой компетенции – по-разному трактуют значение и структуру слова. ...Ориентация на «обобщенный тип носителя языка» (как при сегментации, так и при выявлении мотивационных связей) может в наибольшей степени способствовать определению системных свойств языка”⁷.

Вместе с тем, именно иностранное слово появляется первоначально в речи специалистов и в печати. Его употребление и реализация его словообразовательных потенций вначале остается делом прежде всего журналистов, специалистов и т.д. Поэтому мои наблюдения по этому вопросу носят скорее принципиальный и – что касается отдельных заимствований – заодно гипотетический харак-

Москва 1966; Н. А. Янко - Триницкая, *Членность основы русского слова*, „Известия АН СССР. Сер. лит. и языка” 1968, № 6; Е. С. Кубрякова, *Основы морфологического анализа*, Москва 1974, с. 39-48; J. Puzynina, *O podzielnosci słowotwórczej wyrazów (na materiale języka polskiego)*, „Z Polskich Studiów Slawistycznych”, Seria 4, Językoznawstwo, Warszawa 1972, с. 101-107; См. также В. С. Гимпелевич, *О членности заимствованных слов в русском языке. В: Развитие современного русского языка 1972*, ук. соч., с. 192-198.

⁴ Е. А. Земская, *Современный русский язык. Словообразование*, Москва 1973, с. 44-63.

⁵ Там же, с. 60.

⁶ При этом я пользуюсь материалом из источников: *Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов*, Москва 1984; *Новое в русской лексике – 77-84*, Москва 1980-1989, а также из словарного списка *Neue Wörter und Bedeutungen. Russische Lexik der 90er Jahre*, Zusammengestellt von E. Kanowa und W. Eger, Humboldt-Universität zu Berlin 1992. См. также о данной проблеме: В. С. Гимпелевич, ук. соч., с. 192-198.

⁷ И. С. Улуханов, ук. соч., с. 79.

тер. Чтобы делать выводы о членности и производности конкретного слова, надо бы изучить и учесть его функционирование в текстах, степень его узуализации и функциональную сферу его употребления, что было для меня еще невозможно.

Вернемся сначала к шкале членности и производности. Методом разработки этой шкалы послужило горизонтальное и вертикальное сравнение слов с одинаковыми в формальном и семантическом отношении составляющими. При этом считаю целесообразным, в отличие от названных авторов, включать в такое сравнение не только производные, но и сложные слова со связанным первым или вторым компонентом, на чем остановлюсь ниже.

Подводя итоги упомянутых работ, прежде всего Е. А. Земской, можно выделить в этом аспекте следующие группы слов:

1. К первой группе относятся слова, входящие в два ряда сравнений, в ряд повторяющихся основ и ряд повторяющихся аффиксов (или же аффиксоидов или связанных первых или вторых компонентов). Эти слова считаются всеми лингвистами производными (мотивированными).

2. Ко второй группе относятся слова, которые отличаются дефектной мотивацией, потому что они содержат – помимо повторяющихся компонентов – уникальные компоненты. Их можно дальше дифференцировать на слова с уникальным аффиксом (Земская: „унификс”, 2.1.) и слова с уникальной основой (Земская: „унирадиксонд”, 2.2.).

2.1. В части слов с повторяющейся основой (корнем) уникальный аффикс

2.1.1. повторяет словообразовательное значение регулярного аффикса, напр.: поп/ад'j(a) (жена попа) – поп, ср. генеральша – генерал, купчиха – купец.

2.1.2. В других словах (напр., стекл'/арус – стекл-о, почт/амт, почт/альон – почта) уникальный аффикс не имеет семантического соответствия среди регулярных аффиксов.

2.2. В словах с уникальной основой (или корневой морфемой) аффиксы первой подгруппы

2.2.1. сочетаются также и со свободными основами, напр., суффикс -ин(a) в словах бужен/ин(a), ср. кон/ина – конь, осетрина – осетр и т.д.; ежев/ик(a), клубн/ик(a), брусн/ик(a), ср. черн/ик(a) – черн(ый), костян/ик(a) – костян(ой).

2.2.2. Аффиксы второй подгруппы сочетаются только с уникальными связанными основами, напр.: мал/ин(a), смород/ин(a), круш/ин(a).

В разделе „Морфемика” в *Русской грамматике* „уникальные отрезки слов с ослабленной членностью” упоминаются, но „в даль-

нейшем не рассматриваются”⁸, их морфемный статус остается открытым.

Как решается вопрос производности слов с одним уникальным компонентом? Земская рассматривает их как членимые, но непродуцируемые. На мой же взгляд, слова группы 2.1. можно считать мотивированными, так как они сопоставимы в формальном и семантическом отношении с мотивирующим полнозначным словом.

В *Русской грамматике* (в разделе „Словообразование”) некоторые „унификсы” вообще не упоминаются (стеклярус), другие рассматриваются как морфы словообразовательных морфем. Таким образом, слово поп/ад’j(a) („жена попа”) входит в тот же словообразовательный тип, что и болтун’-j(a), гост’-j(a) (со значением женского пола, а не жены).

В словах на двух последних степенях членимости (группа 2.2.) носитель языка идентифицирует как мотивирующую часть на фоне ряда слов только повторяющийся аффикс с его категориально-классифицирующим значением („мясо”, „ягода”).

Тем не менее, можно и эти слова считать слабо мотивированными: О. И. Блинова⁹, например, различает „полную и частичную мотивацию” и применяет последний термин для обозначения случаев, названных выше в группе 2. Другие авторы, насколько известно, применяют понятия „мотивация” и „степени мотивации” только к словам группы 1 (высшей степени членимости).

Ощущение носителем языка слабой мотивации слов второй группы (2.) становится очевидным в словопроизводственных процессах, ярким примером которых может послужить словопроизводство на основе иностранных слов. Заимствования из английского языка, такие, как бизнес, бартер, биржа, брокер, ваучер и мн. др., выступают в качестве компонентов сложных слов и производящих основ, производные которых в свою очередь могут служить компонентами в многословных наименованиях, ср. драмс – драмсист; бартер – бартеровать, бартерная сделка, недобартер; инжиниринговые услуги, ажиотажный спрос и т.д. При этом возможно и усечение первой части мотивирующего иностранного слова, что явно свидетельствует о его членимости, напр. бабл-гам (прост.: жвачка) и гамник „тот, кто торгует такими жвачками”. Но в данном случае имеется в виду не роль заимствований как мотивирующих единиц, а развитие их членимости и производности в русском языке на фоне других заимствований с теми же фонетическими отрезками.

⁸ *Русская грамматика*, т. I, ук. соч., с. 130.

⁹ О. И. Блинова, *Явление мотивации слов (лексикологический аспект)*, Томск 1984.

Е. А. Земская в книге *Словообразование как деятельность* подчеркивает, что „основной движущей силой создания окказионализмов является аналогия. При этом аналогия использует в качестве образца и словообразовательные типы (модифицируя, преобразуя их), и отдельные слова (производные, членимые и псевдочленимые). В качестве стропительных средств, кроме того, используются не только „нормальные” аффиксы, но и унификсы, псевдоаффиксы, отдельные сегменты слова”¹⁰. На основе таких окказиональных производных, по мере их узуализации, могут возникать новые основы, форманты и словообразовательные модели.

Следует сказать, что часть мотивированных в языке-источнике слов теряет в русском языке бинарную структуру как основу мотивации вследствие словообразовательной адаптации, напр., (Shirt -) T-Shirt и „тишотка”. Но многие другие иностранные слова приобретают морфемную членность благодаря наличию в русском языке слов с таким же корнем или же благодаря одновременному или последующему заимствованию таких слов. В этом процессе выделяются связанные морфемы, которые могут по аналогии участвовать в словопроизводстве уже на русской почве. Эти морфемы могут сочетаться и с иноязычными/интернациональными и с исконно русскими основами. Благодаря словообразовательной аналогии возникают ряды слов с серийным появлением данных морфем, которые приобретают в русском языке словообразовательную продуктивность.

Так, например, наименования лиц на *-лог* можно считать мотивированными интернационализмами-наименованиями научных дисциплин на *-логия* (физиология – физиолог – „тот, кто научно занимается физиологией”, с нулевым суффиксом и усеченной производящей основой). Во всяком случае, эти пары находятся между собой в отношениях непосредственной мотивации. В русском языке, однако, независимо от мотивирующих такого типа появились шутовское наименование „кинолог” (Н-79) и окказионализмы „криколог” (Н-78) и „метеоритолог”, в которых реализуется активность связанной основы *-лог*. Подобным связанным компонентом является *-ман* (*киноман*, Н-80, *книгоман*, Н-81, и др. слова, не соотносящиеся со словами на *-мания*).

Примерами таких словообразовательных формантов, уже вошедших в русскую языковую систему, являются связанные опорные компоненты как *-тека*, *-дром* и т.д., которые исторически выделились из греческих заимствований и сочетаются с русскими свободными основами, напр. *винотека*, *игротека*. (Тем самым повыси-

¹⁰ Е. А. Земская, *Словообразование как деятельность*, Москва 1992, с. 200.

лась и членность новых заимствований, напр., диско/тека. Кроме того, слово „диск” вошло из английского как конкурирующее наименование „пластинки”).

В настоящее время наблюдается вычленение в английских заимствованиях отрезка *-мен* на высшей степени членности и производности (1.). Такие примеры, как *бизнес/мен*, *камера/мен*, *пресс/мен*, в отличие от заимствованного в XIX в. *джентельмен*, уже членимы и мотивированы соответствующими заимствованиями „бизнес, камера, пресса” и т.д. (Вследствие этого членность слова *джентельмен* изменилась и сравнима со случаем „буженина”). Компонент *-мен* можно считать суффиксом, поскольку он носит (как суффиксы *-ист*, *-льщик* и др.) категорнальное словообразовательное значение лица и (в отличие от суффиксоидов) не соотносится с русским корнем¹¹.

В слове *спортсмен* подобный суффикс раньше не выделялся (отрезок *-смен-* в народной этимологии скорее связывался со словом „смена”). Земская¹² показала на этом примере явление вторичной суффиксации, когда в разговорной речи и в просторечии суффиксальное или бессуффиксальное существительное со значением лица прибавляет еще суффикс, чтобы подчеркивалось категорнальное значение лица (напр. *спортсменщик*, *хулиганщик*, *миллионерщик*, *кулинарист*). Прибавление суффикса свидетельствует о том, что значение таких интернациональных суффиксов, как *-мен*, *-ер*, в этих формах существования русского языка слабо или вообще не осознается.

Вместе с тем, при оценке членимых заимствований со связанным опорным компонентом следует учесть и количественный аспект. Так, например, опорный компонент *-бан* встречается редко (*кегельбан* – кегли, *автобан* – автомашина, причем *автобан* как заимствование употребляется в текстах для описания немецких реалий) и не обладает в русском языке словообразовательной активностью. Поэтому компонент *-бан* можно только условно считать дериватором, соответствующие слова приближаются к группе 2.1.2. с уникальным вторым компонентом.

¹¹ Критериями выделения суффиксоидов являются: формальное совпадение со свободной основой и семантическая близость к ней, серийность, обобщенное, лексико-категорнальное значение. См. подробнее: М. Д. Степанова, *О соотношении словосложения и словопроизводства*. В: *Полуаффиксация в терминологии и литературной норме*, Владивосток 1986, с. 163; Р. А. Шалахов, *О критериях выделения полусуффиксов в современном русском языке*, там же, с. 151 и след.; М. D. Stepanowa, W. Fleischer, *Grundzüge der deutschen Wortbildung*, Leipzig-Moskwa 1985, с. 143.

¹² Е. А. Земская, *Современный русский язык*, ук. соч., с. 264.

Сама членимость иностранного слова на высшей ступени независима от характера повторяющихся и поэтому вычленяемых морфем. Это могут быть и суффикс *-мен*, и связанные основы, как *-кратия* (технократия, партократия, геронтократия), и свободные основы, как *фобия*, *манья* в сложных словах: клептомания, наркомания, штазманья, алкомания. Именно основы греко-латинского происхождения, выделенные из иностранных слов, обладают на русской почве высокой словообразовательной продуктивностью, в частности при образовании гибридных слов с исконно русской первой основой, напр.: справкомания, спидология, спидофобия.

На фоне высокопродуктивных первых компонентов и вторые легче ассимилируются и употребляются не только в сложных словах, напр.: видсоплейер и плеер, видеоклип и клип.

Так как многие заимствованные и интернациональные морфемы уже закрепились в русском языке и обладают высокой словообразовательной активностью, большая часть заимствованных слов легко „ассимилируется” и входит в первую группу членимых и производных слов (I.), напр.: *eurocheque* (dt. *Euroscheck*) – *евро/чек* (*евро-*, *чек*). В других случаях трудно установить, является ли наименование из „чужих” компонентов заимствованием или же „престижным” новообразованием, напр.: *десерт-холл* (*кафе-мороженое*). Другим типом сложных слов в русском языке являются наименования, написанные через тире, типа *плац-палатка*, *жар-птица*, *пресс-центр*, *дизайн-центр*.

В отличие от составных наименований типа *вагон-ресторан*, *антенна-тарелка*, они характеризуются грамматической цельнооформленностью (т.е. имеют одну флексию в конце слова) и наличием одного главного ударения.

Как правило, в неологизмах данного типа в современном русском языке в качестве первого компонента выступает иностранная морфема. Многие из них можно отнести к первой, высшей степени членимости, так как оба компонента (хотя с различной степенью узуализации) повторяются. В качестве первого компонента могут выступать и свободные основы (*шоу-бизнес*, *шейтинг-зал*, *секс-шоу*), и связанные основы, напр., *блиц-* в новообразованиях *блицобозрение*, *блицопрос*. Написание через дефис облегчает восприятие чужой морфемы (слова), но не является обязательным, как показывает пример *фолкмузыка*. Ко второй группе по критерию членимости следует отнести заимствования с одним повторяющимся компонентом.

В большинстве заимствованные сложные слова являются детерминированными, т.е. они характеризуются подчинительным соотношением основ. Следует различать, повторяется ли первый, определяющий или же второй, определяемый компонент. В последнем

случае возможно отнесение заимствования к понятийному классу и соответствующей лексической категории: *ток-шоу* (шоу), *холдинг-центр* (центр), *тревелс-чек* (чек), *фолкмузыка* (музыка), *скаут-мастер* (мастер). Они сравнимы со словами подгруппы 2.2., где основа уникальная, а аффикс повторяется. Их степень членимости выше, чем в примерах типа *пресс-релиз* (пресса), *бартендер* (бар), *поп-стар* (поп), *панк-кок* (панк). В этих словах носителю языка неизвестна вторая, „остаточная” часть слова, и поэтому его семантическая категоризация невозможна. Их членимость даже слабее, чем в группе 2.1. (слова с унификсами), поскольку первый компонент – как иноязычный, недавно заимствованный – не так явно выделяется как основы „стекло, поп” и т.п.

Подобно вторичной суффиксации типа *спортсменщик*, и словосложение может производиться с целью большей мотивации заимствования в русском языке: в этом стремлении говорящий сочетает с иноязычной основой русское слово, в семантике которого повторяются семы первой части (чаще это гипероним), напр., *китч-культура* (нем. *Kitsch*), *банд-группа* (нем. *Bande*), *радио-вокмен* (англ. *Walkman*).

Заметно большое количество иностранных слов на *-инг*, вошедших в русский из английского. Можно полагать, что на последней ступени членимости в данной функциональной сфере выделяется отрезок *-инг*, и что этому отрезку в русском языке приписывается значение отвлеченного действия, напр.: *лизинг*, *листинг*, *мониторинг*, *брифинг*, *догнапинг*, *инжиниринг*, *хэппенинг*, *тайминг* (ср. *тайм-аут*), *рейтинг* (рейтинговое голосование), *редьюсинг/редусинг*, *прессинг* (на кого-что-н., налоговый прессинг). Но здесь наблюдаются только первые зародыши постепенного изолирования отдельной морфемы, так как она чужда русскому словообразованию и не выделяется пока на фоне интернациональных связанных корней.

В случаях, когда номинация выходит за узкую сферу употребления, например, в области техники, номинаторы стремятся к приспособлению иноязычного слова к русским структурам при помощи словообразовательных средств, напр.: *scanning* – *сканирование*, ср. *скеннер* (глагол *сканировать, насколько мне известно, еще не зафиксирован, но реализация его как потенциального слова возможна). Насколько усложняются эпидигматические отношения иностранных слов, показывают такие примеры, как *кикбоксер*, *кикбоксинг*, на фоне давно ассимилированных слов типа *бокс* и производных от него *боксер*, *боксировать*. Можно ли установить отношения непосредственной мотивации между *кикбоксинг* и *кикбоксер*, и каким будет направление мотивации?

Слово *бодибилдер* можно синхронно считать производным от *бодибилдинг* (раньше: „культуризм“) при помощи интернационального суффикса *-er*, в то время как *бодипейнтер* (татуировщик) является непроизводным и из-за уникального второго компонента остается на последней ступени членности.

О членности заимствования свидетельствует замена отдельных его компонентов исконно русскими морфемами, т.е. способ смешения кальки и матеряльного заимствования. Так, напр., помимо матеряльного заимствования *воркоголик* (*workaholic*) появилась частичная калька *трудоголик* (по модели *алкоголик*), сюда примыкает новообразование *работоголизм* (ср. *алкоголизм*).

В данной статье я обходила вопросы лексико-семантической адаптации заимствований, изменения их стилистического характера, их парадигматические отношения с конкурирующими русскими наименованиями и т.д.¹³, а затрагивала только одну сторону приспособления заимствований и их влияния на эпидигматические отношения в русском языке, а именно их влияние на совокупность морфем, потенциально участвующих в словообразовании на русской почве.

¹³ См. об этом: С. А. Беляева, *Английские слова в русском языке XVI-XX вв.*, Владивосток 1983, и др. работы.